

Feliks Kiczatow

"Я вас любил" : еще раз к проблеме : Пушкин - Собаньская

Acta Polono-Ruthenica 4, 320-337

1999

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

вать портреты духовных лиц восточного обряда в европейском контексте, с другой - определять степень из своеобразия. Причинами этого служили все те же общественно-политические условия в сочетании с эстетическими критериями, опирающимися на национальные и локальные традиции. Например, украинские иерархи, оказавшиеся в России, порой безуспешно стремились внедрить в обиход столь привычный для них тип парадного портрета. И до определенного времени крайне редко находили понимание, которое пришло ближе к середине XVIII века.

Одним словом, европеизация восточнославянского духовного портрета оказалась неравномерным и затяжным процессом. Его начальные этапы мы здесь пытались очертить, исходя из характерных образцов.

Feliks Kiczatow
Kaliningrad

„Я вас любил...” Еще раз к проблеме: Пушкин - Собаньская

Любовь вами отвергаемая
несокрушима.
Б. Констан, Адольф

Вопрос об адресате одного из самых блистательных стихотворений Пушкина, „Я вас любил: любовь еще быть может...”, до сих пор остается загадкой для исследователей. Многие из них приписывают пушкинские строки А. А. Олениной, другие - К. А. Собаньской. Правда, среди приверженцев Олениной не всегда присутствует уверенность в своей правоте. И. С. Зильберштейн, например, считает, что „есть основание предполагать, что оно [стихотворение „Я вас любил...” - Ф. К.] отчасти связано с ней” [Олениной - Ф. К.].¹

По мнению Н. В. Измайлова, „чувством Пушкина к А. А. Олениной вызвано [...] возможно - «Я вас любил: любовь еще быть может...», датированное 1829 годом без достаточных оснований”.²

Неуверенность мы обнаруживаем и в рассуждениях В. В. Кунина, который это стихотворение „с той или иной степенью уверенности” называет в одном ряду с теми, которые однозначно связаны с именем Олениной. Правда, в дальнейшем он оговаривается, что „можно лишь согласиться с покойным пушкинистом Т. Г. Цявловской в том, что загадка стихотворения «Я вас любил...» еще не разрешена”.³ Вероятно, это сомнение удержало составителя книги

¹ И. С. Зильберштейн, *Парижские находки. Эпоха Пушкина*, Москва 1993, s. 57.

² Н. В. Измайлов, *Очерки творчества Пушкина*, Ленинград 1976, s. 62.

³ *Друзья Пушкина: в 2-х томах*, сост., биогр. очерки и примеч. В. В. Кунина, т. 2, Москва 1984, s. 397.

Друзья Пушкина от включения этого стихотворения в подборку к главе „Анна Алексеевна Оленина”.

Версия о том, что „Я вас любил...” посвящено Олениной, известна давно, из предисловия к парижскому изданию *Дневника А. А. Олениной*, написанного внучкой Анны Алексеевны А. Н. Оом. В нем мы находим упоминание об альбоме, принадлежавшем Олениной, в котором якобы сам Пушкин в 1829 году оставил автограф этого стихотворения.⁴ Правда, альбом этот утерян, и проверить справедливость этого сообщения нам не представляется возможным, да и свидетелей из современников Анны Алексеевны или ее внучки, которые могли видеть этот автограф, пушкиноведы не знают.

Довольно странным представляется то обстоятельство, что в исследованиях практически не акцентируется тот факт, что Анна Алексеевна выражала своей внучке особую озабоченность по поводу автографа пушкинского стихотворения „Я вас любил...” . О. Н. Оом в своем предисловии сообщает: „Завещая мне этот альбом, Анна Алексеевна выразила желание, чтобы этот автограф с позднейшей припиской не был предан гласности. В тайнике своей души сохранила она причину этого пожелания”.⁵ Хозяйка альбома допускала возможность предания гласности автографы многочисленных посетителей дома Олениных, в том числе знаменитых писателей, поэтов и музыкантов, но почему-то никак не желала публиковать автограф именно этого стихотворения, которое к тому же давно опубликовано в печати, как и многие другие, которые были посвящены Анне Алексеевне.

Причиной такого странного условия могло быть знание (или осознание) Олениной того, что стихотворение „Я вас любил...” было посвящено другой женщине, которая может быть еще жива и находится где-то рядом. В таком случае публикация его могла вызвать в лучшем случае осуждение света, в худшем - громкий скандал. Этого - то и могла бояться Анна Алексеевна, для которой собственная репутация всегда была выше всего. Тогда, каким образом автограф „Я вас любил...” мог попасть в альбом Олениной?

⁴ *Дневник Annette. Анна Алексеевна Оленина*, Москва 1994, s. 52.

⁵ *Ibidem*.

Известны случаи, когда поэт вписывал одно и то же свое стихотворение в альбом разных женщин. Например, стихотворение „Если жизнь тебя обманет...” вписано в альбом Евпраксии Николаевны Вульф, а несколько позже - в альбом Елизаветы Александровны Ладыженской; такова же история и с автографом „Из наслаждений жизни...”, который вписан Пушкиным в альбомы Марии Шимановской и Прасковьи Бартеневой. В данном случае такой вариант вполне вероятен лишь при том условии, если бы Пушкин вписал свой автограф до 5 сентября 1828 года, т.е. до момента размолвки. Но по уверению О. Н. Оом, автограф появился в альбоме в 1829 году, что маловероятно, и это следует из дальнейших рассуждений.

Вполне мог иметь место и другой случай, подобный тому, что связан с именем Софьи Дмитриевны Пономаревой, когда посланный Пушкиным для „исправления текста” в журнал „Благонамеренный” автограф стихотворения *Черная шаль* попал в руки Софьи Дмитриевны и был вклеен ею в свой альбом, что ввело в заблуждение многих пушкинистов, ошибочно полагавших о возможных встречах поэта с этой дамой.⁶

Обратимся вновь в *Дневнику* Олениной. Вслед за сообщением о нежелании Анны Алексеевны предавать гласности автограф Пушкина, О. Н. Оом пишет: „На обратной стороне листа [того самого, на котором находился автограф пушкинского стихотворения „Я вас любил...” - Ф. К.] находился другой автограф Пушкина: „Что в имени тебе моем?...”⁷ посвящение которого Каролине Собаньской не вызывает сомнения у многих пушкинистов. Известно, что оно, вероятно по просьбе самой Собаньской - страстной собирательнице автографов великих людей, было записано Пушкиным в ее альбом 5 января 1830 года, а через четыре месяца (в апреле 1830 года) было опубликовано в „Литературной газете”. Правда в издание пушкинских стихотворений 1832-го года оно включено с датой „1829”, т.е. с той самой датой, когда, по словам О. Н. Оом, в альбом Олениной вписан автограф „Я вас любил...”, впервые опубликованный в двадцатых числах декабря 1829 года. В том, что оба стихотворения могли быть написаны в 1829 году, а может быть

⁶ И. Б. Чижова, *Души волшебное светило...*, Ленинград 1988, s. 98.

⁷ *Дневник Annette*, s. 52.

даже в 1828 - нет ничего удивительного: ведь у Пушкина были встречи с К. Собаньской и в 1828, и в 1829 годах. Гораздо удивительнее то, как они оба (на одном листе) могли попасть в альбом Олениной в 1829 году, когда голова поэта была занята совершенно другим.

Обратимся к событиям 1828 - 1829 годов. После известного объяснения с Елизаветой Марковной Олениной, в день ее именин 5 сентября 1828 года, Пушкин окончательно разрывает отношения с семьей Олениных и в дальнейшем избегает с ними каких бы то ни было встреч. Этот разрыв был predetermined с обеих сторон. С установлением над Пушкиным негласного надзора Оленины только и искали повода, как избавиться от настойчивого жениха. Отношение их к поэту заметно изменилось не в лучшую сторону. Что касается самой Анны Алексеевны, то она вообще не питала к Пушкину страстных чувств и в своих расчетах на будущее полагалась больше на людей знатных и обеспеченных: Мейендорфа, Киселева, Виельгорского и др. Иначе, как можно было бы оценить ее записи в собственном дневнике, не предназначенном для постороннего взгляда: „Бог, даровав ему [Пушкину - Ф. К.] гений единственный, не наградил его привлекательной наружностью. Лицо его было выразительно, конечно, но некоторая злоба и насмешливость затмевали тот ум, который виден в голубых или, лучше сказать, стеклянных глазах его. Арапский профиль, заимствованный от поколения матери, не украшал лица его. Да и прибавьте к тому ужасные бакенбарды, растрепанные волосы, ногти как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взор на женщин, которых он отмечал своей любовью, странность права природного и принужденного, и неограниченное самолюбие - вот все достоинства телесные и душевные, которые свет придавал русскому поэту XIX столетия”.⁸ И так далее в таком же роде. Во всем дневнике нет ни слова об обожании да и вообще о каких-то чувствах к поэту. Последняя запись о дне, когда Пушкину грубо отказали, Анна Алексеевна равнодушно фиксирует (не могу подобрать другого слова - Ф. К.): „Прощаясь, Пушкин мне сказал, что он должен уехать в свое имение, - если, впрочем, у него хватит духу, - прибавил он с чув-

⁸ *Дневник Annette*, s. 72-75.

ством”.⁹ И все... Никаких комментариев. Ни одного слова о Пушкине на последующих страницах до конца дневника. Могла ли такое написать любящая девушка?

Только под конец жизни она открыла истинную причину того, почему она не стала супругой Пушкина. На вопрос об этом, заданный ее племянником, она ответила: „Он был вертопрах, не имел никакого положения в обществе и, наконец, не был богат”.¹⁰ Вот что было для нее самым важным.

С другой стороны мы видим, что отношение Пушкина к Олениным также претерпело некоторые изменения. Его чуткая натура конечно же чувствовала всю фальшь со стороны Олениных. Нельзя отрицать того, что ему нравились в Анне Алексеевне некоторые ее черты: глаза, „маленькая ножка”, ум, образованность, музыкальные способности и т.д. Но при всем том, он стал обнаруживать в себе все чаще неприязнь к ее жеманству, злomu язычку, капризам, вертлявости, беспрестанному визгу и писку в присутствии многих молодых людей. Он не находил в ней нежной и молчаливой любви Екатерины Ушаковой, внешнего лоска и вызывающей смелости Аграфены Закревской, загадочности, демонизма и утонченного блеска Каролины Собаньской.

Именно поэтому разрыв с Олениными не оставил в его душе страданий, отверженного любимой, печали о несостоявшемся счастье, а скорее горькую досаду, чувство оскорбленного достоинства, которое требовало возмездия.

В декабре 1828 года в ушаковском альбоме появляется несколько зарисовок, среди них - юноша, склонный к руке юной девы. В юноше без труда узнается Пушкин. Под рисунком - подпись: „Прочь! прочь отойди! - какой беспокойный! - Прочь! прочь! Отвяжись, - руки недостойный” (XVIII, 132).¹¹ Прошло больше двух месяцев, а поэт не может забыть того рокового дня. Что здесь, в этой надписи, чувство скорби или досада? Настоящее осталось где-то внутри, и скорбью его не назовешь, хотя бы потому, что об

⁹ Ibidem, s. 103.

¹⁰ *Друзья Пушкина*, s. 395.

¹¹ Ссылки на произведения А. С. Пушкина - по изданию: А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений: в 19-ти томах*, Москва 1994 - 1997 (римскими цифрами обозначены номера томов, арабскими - страниц).

этом не принято открыто писать в чужих альбомах. Скорее этот рисунок поэт преподнес сестрам Ушаковым с веселой улыбкой, сдобренной солидной порцией сарказма.

А перед самым рождением Пушкин увидел на балу у танцмейстера Йогеля прекрасную Наташу Гончарову и с этого времени забыл обо всем на свете. Несколько позже он пишет в письме своей будущей теще, Наталье Ивановне: „Я полюбил ее, голова у меня закружилась, я сделал предложение, ваш ответ, при всей его неопределенности, на мгновение свел меня с ума; в ту же ночь я уехал в армию” (XVI, 75). Где уж тут до Олениной!

Кавказ надолго отвлек внимание поэта от московских неприятностей, которые все-таки давали какую-то надежду на удачный результат. Прелестный образ Натали не покидал его и там. Только в сентябре он покидает армию, и сразу же - в Москву: как там Таша, что с ней? Нет, влюбленность не прошла. Разлука, быть может, только усилила ее.

И только в декабре он вспомнил об Олениной, работая над восьмой главой *Евгения Онегина*. Описывая светский салон, он не может освободиться от мысли упомянуть об Олениных. Выработанные с годами привычка - не забывать обид - подсказывает способ: на черновиках рукописи появляются строки, в которых Оленина уже заменена Лосиной:

[Тут Лиза вошла]
 Так наопятна [писклива]
 Что поневоле каждый гость
 Предполагал [в ней ум и злость]

Кажется, получилось то, что надо. Нет, все-таки чего-то не хватает. Ах да, родителей. Попробуем так:

Уж так [жеманна], так мала!...
 Так бестолкова, так писклива,
 [Что вся была в отца и мать]

Вроде бы хорошо, но об отце надо бы покруче:

Тут был отец ее пролаз
 Нулек на ножках...

Нет, лучше будет так:
О двух ногах нулек горбатый...
(VI, 512-515)

С таким настроением кончался 1829 год.

Мы видим, что ни в начале 1829 года, ни в его конце у Пушкина не было мотивов для написания стихов, посвященных А. А. Олениной (кроме, разумеется, приведенных выше). Не было желания и встречаться с ней. Во всяком случае мы не располагаем сведениями об их личных встречах в этом году. И совершенно неубедительно выглядит утверждение И. Б. Чижовой о том, что Оленина „уехала в Москву навестить сестру и там снова встретила на балах с Пушкиным и получила бесценный его автограф в альбом - «Я вас любил...»”.¹² Все приведенные рассуждения говорят о том, что Пушкин не мог в этот период посвящать Олениной какие-либо стихи, тем более „Я вас любил...”.

Внимательно, в тысячный раз, перечитывая стихотворение „Я вас любил...”, я обратил внимание на одно слово, которое никак не вязалось с образом Анны Алексеевны Олениной. Это слово - „робость”:

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим...

Поэт говорит о своей робости перед женщиной, о робости, которая его томила, как ревность. И если ревность он испытывал по отношению ко многим женщинам, то робость... В памяти проходят чередой известные имена: Екатерина Ушакова, Софья Пушкина, Анетта Оленина, Аграфена Закревская, Каролина Собаньская, Наталья Гончарова... Не могу себе представить робкого Пушкина рядом с Ушаковой, Пушкиной, Олениной, Закревской. Мое мнение подтверждают и стихи, посвященные поэтом этим женщинам, и дневник Олениной. А вот рядом с Собаньской, с Гончаровой невозможно представить его неробким. Кто же из них? Казалось бы, должна быть Гончарова: ведь с декабря 1828 года Пушкин только и думает о ней. Но... если бы не слово „робость”, фигурирующее в стихотворении в прошедшем времени, впрочем, как и слово

¹² И. Б. Чижова, *op. cit.*, s. 184.

„любовь”, „ревность” и т.д. В прошедшем была Собаньская. Я обращаюсь к *Словарю языка Пушкина*: когда и в каких случаях Пушкин использовал слово „робость” и его производные в своих произведениях, письмах, публицистике. И что же?

Слово это вместе с его производными использовано Пушкиным 105 раз, из них: 26 раз в различных прозаических произведениях, за исключением переписки; 23 раза в поэмах, 6 раз - в письмах, остальное - в стихотворениях.¹³ Меня интересует применение этого слова только к реально существующим адресатам женского пола, таких случаев оказывается совсем немного: восемь стихотворений и одно письмо к К. Собаньской. Вот эти стихотворения:

<i>К Наталье</i> (1813)	Робко , сладостно дыханье, Белой груди колебанье... (I, 5)
<i>Леда</i> (1814)	Леда робостью трепещет, Тихо дышит снежна грудь... (I, 87)
<i>К***</i> („Счастлив, кто близ тебя любовник упоенный”) (1818)	Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный, Без томной робости твой ловит светлый взор (II, 66)
<i>К***</i> („Зачем безвременную скуку...”) (1820)	Зачем безвременную скуку Зловещей думою питать, И неизбежную разлуку В унынье робком ожидать?.. (II, 144)
<i>Дориде</i> (1820)	Все непритворно в ней: желаний томный Стыдливость робкая , харит бесценный дар... (II, 137)
<i>Ответ А. И. Готовцевой</i> (1828)	И недоверчиво и жадно Смотрю я на свои цветы. Кто, строгий стоик, примет хладно Привет харит и красоты?

¹³ *Словарь языка Пушкина: в 4-х томах*, т. 3, Москва 1959, с. 1024, 1025.

Горжуся им, но и робею...
(III, 136)

„Я вас любил...” (1829)

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим...
(III, 183)

Прощанье (1830)

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь вспоминать...
(III, 233)

Не трудно заметить, что в стихотворениях: *К Наталье*, *Леда*, *Дориде* слово „робость” относится к чувствам адресатов, что нас в данном случае не интересует, так же, как и в стихотворениях: K^{+++} („Счастлив, кто близ тебя любовник упоенный...”) и K^{+++} („Зачем безвременную скуку...”), где оно употреблено в отрицательном смысле.

Что касается стихотворения *Ответ А. И. Готовцевой*, оно также не может нас интересовать, поскольку написано Пушкиным в ответ на упреки А. И. Готовцевой и носит не любовный характер. Сам поэт в письме к Дельвигу от 26 1828 года называет эти строки „холодными и гладенькими” (XIV, 35).

Стихотворение *Прощанье* обращено к женщине, которая „для своего поэта/ Могильным сумраком одета”, т.е. Пушкин, узнав о смерти своей подруги (может быть когда-то горячо любимой), прощается с ней, вспоминая о ней „с негой робкой и унылой”, где робость неги, наверное, характеризует едва заметные, практически угасшие чувства давно прошедшей любви и совсем не связана с робостью поэта перед этой женщиной.

Таким образом из всех случаев использования слова „робость” в стихотворениях, где поэт признается в ней перед возлюбленной, остается единственный - в стихотворении „Я вас любил...”.

Использование же этого слова в переписке однозначно ограничивается письмом к К. Собаньской от 2 февраля 1830 года в остальных случаях оно вообще не связано с лицами женского пола

(см. письма Гнедичу от 22 июня 1822 г., Бестужеву от 30 февраля 1825 г., Дельвигу от 26 февраля 1828 г., Гнедичу от 6 января 1830 г., Вяземскому от 2 января 1831 г.).

В итоге мы имеем: стихотворение „Я вас любил...” и письмо К. Собаньской от 2 февраля 1830 года, где в равной мере выражены чувства робости и когда-то любимой женщине. Попробуем их сопоставить. Но для этого сначала воспроизведем их полностью.

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.
(III, 183)

Письмо К. А. Собаньской от 2 февраля 1830 г.¹⁴:

Вы смеетесь над моим нетерпением, вам как будто доставляет удовольствие обманывать мои ожидания [надежда на свидание с вами сегодня разбудила меня] итак я увижу вас только завтра - пусть так. Между тем я могу думать только о вас. Между тем мне необходимо поговорить с вами.

Хотя видеть и слышать вас составляет для меня счастье [наслаждение], я предпочитаю не говорить а писать вам. [Ваше присутствие печалит меня... Мои речи стеснены]. В вас есть ирония, лукавство, которые раздражают и подвергают в отчаяние. Ощущения становятся мучительными, а искренние слова в вашем присутствии превращаются в пустые шутки.

Вы - демон, то есть тот, кто сомневается и отрицает, как говорится в Писании.

В последний раз вы говорили о прошлом жестоко. Вы сказали мне то, чему я старался не верить - [было ли это] в течение 7 лет. Зачем? [Хотели

¹⁴ Письмо приводится в виде реконструкции с учетом замаранного автором (в квадратных скобках) текста. Перевод с франц.

ли вы отомстить...] [...] Счастье так мало создано для меня, что я не признал его, когда оно было передо мною - не говорите же мне больше о нем, ради Христа [...] - В угрызениях совести, если бы я мог испытать их - в угрызениях совести [...] было бы какое-то наслаждение - а подобного рода сожаление вызывает в душе лишь яростные и богохульные мысли.

Дорогая Эленора, позвольте мне называть вас этим именем, напоминающем мне [ваше очарование?] [и идеальное очарование и призрак прошлого] [и ваши прелести?] [и одну из идеальных женщин] и [мои] жгучие чтения моих юных [?] лет, и нежный призрак прельщавший меня тогда и ваше собственное существование [столь потрясенное страстями, столь, далекое от вашего предназначения?] такое жестокое и бурное, такое отличное от того, каким оно должно было быть.

Дорогая Эленора, [было время, когда ваш голос, ваш взгляд опьяняли меня], вы знаете, [...] я испытал на себе все ваше могущество. Вам обязан я тем, что познал все, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении, так же как и всё, что в нем есть самого ошеломляющего. От всего у меня осталась лишь слабость выздоравливающего, одна привязанность, очень нежная, очень искренняя и немного робости, которую я не могу побороть [которую я не могу не испытать в присутствии существа [столь] выдающегося и злоторного] [...] Я прекрасно знаю, что вы подумаете, [Посмотрите, скажете вы, как он из кожи лезет вон, чтобы заставить меня поверить, что он не то чем кажется] Если когда-нибудь это прочтете как он неловок - он стыдится прошлого - вот и все. Он заслуживает, чтобы я снова посмеялась над ним - (он полон самомнения, как он повелитель Сатана). Не правда ли?

Однако, взявшись за перо, я хотел о чем-то просить вас, уж не помню о чём - ах, да - о дружбе - [то-есть о близости - о доверии]. Эта просьба очень [...] банальна, очень - как если бы нищий попросил хлеба - но дело в том, что мне необходима ваша близость. [...]

А вы, между тем, по-прежнему прекрасны, так же как и в день переправы, или же на крестинах, когда ваши [влажные] пальцы коснулись моего лба - Это прикосновение чувствуется мною до сих пор - прохладное, влажное. Оно обратило меня в католика - но вы увянете; Эта красота когда-нибудь [?] [опадает и станет] покатится вниз как лавина. - Ваша душа некоторое время еще продержится среди стольких опавших прелестей - а затем исчезнет, и никогда, быть может, моя душа, ее [?] боязливая рабыня, не встретит ее в [?] беспредельное вечности. [...] Но что такое душа [без вашего взгляда]. У нее нет ни взора, ни мелодии - мелодии быть может (XIV, 401, 447).

Сопоставим стихотворение с текстом письма, выбирая для каждой фразы стихотворения адекватные им строки письма.

Я вас любил...

Счастье так мало создано для меня, что я не признал его, когда оно было передо мною - не говорите же мне больше о нем, ради Христа.

Дорогая Эллиенора¹⁵, позвольте мне называть вас этим именем, напоминающим мне [...] [и идеальное очарование и призрак прошлого] [...] жгучие чтения моих юных лет, и нежный призрак прельщавший меня тогда...

Дорогая Эллиенора, [было время, когда ваш голос, ваш взгляд опьяняли меня] [...] я испытал на себе все ваше могущество. Вам обязан я тем, что познал все, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении, так же как и все, что в нем есть самого ошеломляющего.

Фраза из стихотворения фиксирует два момента: факт любви поэта к адресату, и то, что эта любовь - в прошедшем времени. Это мы видим и в письме, в котором поэт пишет о счастье, которое он „не признал”, когда оно было перед ним. Далее он уточняет, что присвоенное им адресату имя - Эллиенора - напоминает поэту „призрак прошлого «жгучие чтения» [...] юных лет”.

О том, что это была действительно любовь „мучительная”, „опьяняющая” и „ошеломляющая”, повествует третий абзац из приведенного выше текста письма:

любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не
совсем...

Вы смеетесь над моим нетерпением
[...] [надежда на свидание с вами сегодня
разбудила меня] [...] Между тем я могу

¹⁵ Героиня романа Бенжамена Констан *Адольф*, „жгучие чтения” которого у Пушкина и Собаньской проходили в Одессе в 1823 г. Об этом эпизоде поэт напоминает в своем письме.

думать только о вас...

От всего этого у меня осталась лишь слабость выздоравливающего, одна привязанность, очень нежная, очень искренняя...

Получив записку Собаньской, Пушкин не скрывает, что предлагаемое ей свидание разбудило в нем заснувшие было чувства, что с этих пор только и думает о ней, сознавая, что любовь к ней „быть может” „угасла не совсем”, однако тут же признается, что она действительно угасла, что от нее осталась „лишь слабость выздоравливающего” т.е. „одна привязанность”, хотя и „очень нежная” и „очень искренняя”:

Но пусть она вас больше
не тревожит;
Я не хочу печалить вас
ничем...

Однако взявшись за перо, я хотел о чем-то просить вас - уж не помню о чем - ах, да - о дружбе - [то-есть о близости - о доверии] Эта просьба очень [...] банальная, очень - как если бы нищий попросил хлеба - но дело в том, что мне необходима ваша близость...

Поэт не желает быть навязчивым, не хочет докучать адресату своей любовью, от которой осталась лишь „нежная привязанность” и „слабость выздоравливающего”. Ему достаточно только дружбы, доверия, которые он не требует и даже не настаивает на них. Он просит, полностью полагаясь на ее волю („как если бы нищий просил хлеба”), чтобы только „не тревожить” и „не печалить” ее ничем:

Я вас любил безмолвно,
безнадёжно...

В последний раз вы говорили о прошлом жестоко. Вы сказали мне то, чему я старался не верить - [было ли это] в течение 7 лет. Зачем? [Хотели ли вы отомстить ...] [...] Счастье так мало создано для меня, что я не признал его, когда оно было передо мною - не говорите же мне больше о нем, ради Христа [...] - В угрызениях совести, если бы я мог

испытать их - в угрызениях совести [...] было бы какое-то наслаждение - а подобного рода сожаление вызывает в душе лишь яростные и богохульные мысли.

Любовь, испытанная поэтом когда-то, так и осталась безответной. Безднадежность ответного чувства была очевидной в то далекое время, и сейчас, когда Собаньская сообщила поэту, что любила его тогда, 7 лет назад, он не поверил ей и был конечно же прав.

Любовь, испытанная поэтом в далеком 1823 году, не вызвала ответных чувств со стороны Собаньской. И когда она, уже в 1830 году, уверяет поэта в былой любви к нему - он не верит ей („[было ли это]”). Он видит в этом откровении лишь очередной обман, который вызывает у него „лишь яростные и богохульные мысли”.

В безмолвности своей любви поэт признается уже в следующем абзаце, связанном с робостью перед своей возлюбленной.

...То робостью, то ревностью
томим...

Хотя видеть и слышать вас составляет для меня счастье [наслаждение], я предпочитаю не говорить, а писать вам. [Ваше присутствие печалит меня... Мои речи стеснены]. В вас есть ирония, лукавство, которые раздражают и повергают в отчаяние. Ощущения становятся мучительными, а искренние слова в вашем присутствии превращаются в пустые шутки.

Вы - демон, то есть тот, кто сомневается и отрицает, как говорится в Писании.

От всего этого у меня осталась лишь слабость выздоравливающего [...] и немного робости, которую я не могу побороть [которую не могу не испытывать в присутствии с детства [столь] выдающегося и зловещего].

Пушкин и хотел бы искренне выразить свои чувства Собань-

ской, но все-таки отдает предпочтение письму. Ее влияние на поэта столь велико, что в ее присутствии его „речи стеснены”, „искренние слова [...] превращаются в пустые шутки”, он не может побороть в себе чувство робости даже спустя 7 лет. Естественно предположить, что в 1823 году гипертрофированное чувство робости обезоруживало поэта, делало его безмолвным в выражении своих чувств по отношению к этой величавой демонице.

Как видим, идентичность стихотворения „Я вас любил...” и письма Пушкина к К. Собаньской от 2 февраля 1830 года дают основание полагать, что адресатом стихотворения является Каролина Собаньская.

Необходимо, сказать еще об одном моменте, безусловно вносившем в работу исследователей определенные коррективы. Можно назвать его идеологическим. Кто была для исследователей К. Собаньская? Конечно же они видели в ней царскую прислужницу, активного агента III-го отделения, провокатора, да, к тому же, человека аморального, предавшего „десятки” революционных деятелей польского освободительного движения и декабристов. При этом основными аргументами ученых в пользу такого стереотипа были: воспоминания Ф. Ф. Вигеля - этого „желчного, одностороннего” и „неуживчивого”, по словам П. А. Вяземского, человека, неоднократно уличенного современниками в искажении фактов и даже в фальсификациях; и письмо К. А. Собаньской графу Бенкендорфу (1832), являющегося, по мнению исследователя М. Яшина, ничем иным, как блефом, рассчитанным на близорукость шефа жандармов да и самого Николая I.

Парадокс заключается в том, что многие, даже самые уважаемые ученые (Т. Г. Цявловская, С. С. Ланда, В. И. Кулешов и др.) легко поверили этим фактам, закрыв глаза на многочисленные высказывания современников о патриотической работе, проводимой этой незаурядной и смелой женщиной. Вот некоторые из них, приведенные в исследованиях М. Яшина.¹⁶

29 ноября 1830 года группа польских подпольщиков-патриотов напала на резиденцию великого князя Константина Павловича

¹⁶ М. Яшин, *Итак я жил тогда в Одессе...*, [в:] *Утаенная любовь Пушкина*, Санкт-Петербург 1997, с. 463-465.

в Варшаве. Это послужило сигналом к всепольскому восстанию. Среди нападавших - постоянные посетители салона К. Собаньской: полковник Блендовский, Нарцыз Олизар (брат Густава Олизара), Александр Собаньский и др.

После подавления восстания поляков, Собаньская оставляет мужа и срочно направляется в Варшаву. Через некоторое время управляющий III отделением А. Н. Мордвинов докладывает шефу жандармов Бенкендорфу о „подозрительном” поведении Собаньской: „Поляки и польки совсем завладели управлением. Образовалось что-то вроде женского общества под председательством г-жи Собаньской, продолжающей иметь большую силу над графом Виттом. Благодаря этому главные места предоставляются полякам, и именно тем, которые наиболее участвовали в мятеже”.

Исследователь С. С. Ланда в своей книге *Мицкевич накануне восстания декабристов* (с. 141) приводит пример, подтверждающий активную деятельность Собаньской после поражения восстания в Польше. Он цитирует высказывание одного из участников восстания, М. Будзыньского, спасенного Собаньской: „Грешила слабой женской натурой, но чувства польки никогда в ней не угасали. После взятия Варшавы, когда генерал Витт был назначен губернатором столицы, она спасла многих несчастных польских офицеров от Сибири и рудников [...] навещала госпитали, где раненые польские офицеры ожидали своей участи, многим, если не помогла освободиться, то усладила неволю и помогла в беде”.

Это же подтверждают другие участники восстания - Т. Бобровский и А. Ивановский: „[...] через Витта она добилась прощения и свободного возвращения многих особ, что вызвало к ней всеобщую любовь...”.

Ей удалось многих обвести вокруг пальца, многих очаровать своей необыкновенной красотой, но все это с одной целью - помочь своей Польше. Ее деятельность могла бы быть намного продуктивней, не разгадай ее замыслов Николай I, который писал Паскевичу: „Долго ли граф Витт даст себя дурачить этой бабой, которая ищет одних своих польских выгод под личной преданностью, и столь же верна г. Витту как любовница, как России, быв ей подданная? Весьма хорошо бы было открыть глаза графу Витту на ее счет, а ей ве-

леть возвратиться в своей поместье на Подолию”.¹⁷ За письмом последовало и выдворение.

Не заметить всего этого было просто нельзя: все эти и многие другие факты, характеризующие патриотическую деятельность Собаньской, публиковались в открытой печати, доступной любому исследователю. Но Собаньская не соответствовала стереотипу революционера-патриота, а раз так, то „бунтарь” и „почти декабрист”. Пушкин не мог влюбиться в такую женщину, тем более - написать ей такие великолепные стихи. Именно поэтому долгие годы вопросы, связанные с взаимоотношением Пушкина и Собаньской, не затрагивались советскими исследователями. Думается, что вышеуказанные исследования М. Яшина, положившие начало разрушению сложившихся стереотипов в отношении самой Собаньской и ее взаимоотношений с Пушкиным, найдут своих продолжателей в лице новых, свободных от идеологических оков, пушкинистов.

¹⁷ „Русский архив”, 1897, кн. 1, с. 8.